

Переплетенные во всех направлениях ивы полностью преградили путь во внешний мир, начисто отрезав для них любую надежду на выживание.

— Подобные вещи... нам лучше делать здесь, в уединении, — улыбаясь, с каждым шагом приближался Чу Мо. — Снаружи слишком много людей, боюсь, я их напугаю.

Те, кто уже сидел, свалившись на землю, и те, кто еще кое-как держался на ногах, разом застыли, превратившись в изваяния.

Все они оглянулись назад, словно надеясь на какое-то чудо.

Чу Мо усмехнулся.

Висевшие до этого долу ветви ивы внезапно начали расти вверх.

Они обвилились вокруг щиколоток несчастных и вздернули их вверх тормашками.

Люди повисли в воздухе вниз головой.

Чу Мо, прищурившись, с явным удовольствием прогуливался взад-вперед между ними, будто выискивая блюдо по вкусу.

Лица висевших побелели. В этот миг они уже сами не понимали, хотят ли они приглынуться Чу Мо, чтобы покончить со всем побыстрее, или же надеются не привлечь его внимания, дабы он их пощадил.

— Б-братья... Большой брат... Мы были неправы, я правда не со зла... Взгляните на меня, кожа у меня грубая, мясо наверняка жесткое, вкус отвратительный, так отпустите же меня? Если дадите мне жить, я с этого дня буду служить вам верой и правдой! — торопливо забормотал тот, кто выглядел обладателем способности к физическому усилению, вымаливая пощаду дрожащим голосом. — Это мы ослепли, раз несли такую чушь, правда! Мы ослепли! Пощадите нас!

Остальные тоже заголосили, умоляя о пощаде.

В конце концов они даже принялись науськивать Чу Мо, чтобы он съел кого-нибудь другого, а их отпустил.

Чу Мо с прищуром помолчал какое-то время, а затем холодно усмехнулся:

— Не переживайте, вы меня не брезгуете.

Снаружи ярко светило солнце, но в переулке, со всех сторон окруженном густыми ветвями ивы, было до жути холодно.

Свет, казалось, начал постепенно меркнуть.

Чу Мо кончиком языка слизал со воих губ каплю свежей крови, задумался, а затем поднял рукав и аккуратно обтер их манжетой.

Он обернулся и бросил взгляд на выход из переулка.

Та старуха уже крепко спала.

Котенка с раздвоенным хвостом прижалась к ней боком. Заметив, что Чу Мо смотрит на нее, она подняла голову и тихонько, мягко мяукнула пару раз.

В этом не было угрозы, скорее — мольба или какое-то обещание.

Чу Мо какое-то время всматривался в янтарные глаза кошки, после чего легко улыбнулся.

Он подошел ближе, присел на корточки, легонько потерябил мягкие кошачьи ушки, а затем поднялся и зашагал прочь.

Когда погруженная в глубокий сон старуха очнулась, она обнаружила, что лежит в каком-то мрачном переулке.

Солнце уже почти закатилось, вокруг не было ни души.

Она поднялась и с недоумением огляделась.

От этого движения спавшая рядом кошечка скатилась в сторону.

Выглядевшая еще более крошечной и беспомощной, малышка тут же недовольно мяукнула пару раз.

Старуха, казалось, только сейчас заметила ее.

Она с удивлением присела на корточки, погладила мягкую шерстку и с улыбкой произнесла:

— Ой, откуда здесь такое котенок? Такой крошечный, бедняжка. Пойдем со мной домой, хочешь?

Котёнок поднял голову, посмотрел на нее, потерся о руку старухи и с ленивым видом закатил глаза:

— Мяу~

— Ты согласна? Тогда пошли домой. — Старуха с радостью подняла ее на руки, но тут же внезапно нахмурилась: — Ой, а как я здесь оказалась?.. И где это мой дом?..

Закат медленно догорал, и день снова незаметно подошел к концу.

На самом деле больница находилась совсем недалеко от университета, но Чу Мо шел очень долго.

Наверное... потому что он не знал, как с этим справиться?

По правде говоря, Чу Мо всегда верил в любовь с первого взгляда.

Каждый раз, когда он заглядывал в глаза Сяо Юй, ему казалось, что так называемое предопределение — это всего лишь оно и есть.

Глаза этой девушки были прекраснее ряби на осенней воде.

Но порой он невольно начинал сомневаться... А вдруг, вдруг он с самого начала ошибался?

Быть может, быть может... между ними и впрямь не было никакой судьбы?

Иначе... почему каждый раз всё складывалось именно так?

Чу Мо долго стоял перед знакомыми воротами университета, погружившись в оцепенение. Школьные ворота — древние и величественные — при одном взгляде на них внушали благоговейный трепет перед лицом истории. В конце концов он переставил ноги и шагнул внутрь.

Да плевать ему на всякую судьбу! С какой стати ему отдавать другим то, чего он желает?

Разве она не должна ему?

Она задолжала ему целую жизнь, так пусть вернет долг.

Университет Ц — одно из лучших высших учебных заведений страны, расположенное на окраине города Ц. Он занимал площадь более восьмисот му и издавна славился прекрасной экологией и сильным преподавательским составом.

Это место находилось на отшибе, но при этом отличалось такой красотой, что могло поспорить с живописным парком. Говорили, что критерием оценки хорошего университета, помимо квалификации преподавателей, служит степень озеленения кампуса. Первое невозможно разглядеть с первого взгляда, а вот второе — запросто. Если зелёные насаждения в учебном заведении спроектированы безупречно, это значит, что при строительстве руководство уделяло им самое пристальное внимание. Обычно и преподавательский состав в таких вузах оказывается на высоте. А если территория содержится в идеальной чистоте и порядке, значит, местным студентам присущи жизнерадостность и любовь к жизни, да и атмосфера для учебы здесь царит соответственная.

И университет Z был именно таким учебным заведением.

Местная красота могла влюбить в себя с первого же взгляда.

Стоял конец августа — начало сентября.

Чу Мо помнил, как в четвёртом классе вычитал в учебнике такую фразу: В августе ветки душистого османтуса сплошь покрыты золотистыми цветами.

Прогуливаясь по мощёной камнем дорожке университетского кампуса, он видел вокруг заросли цветущего османтуса и на мгновение даже потерял счёт времени.

Пейзаж был до боли знакомым, но у него всё равно возникало ощущение, будто минула целая жизнь.

Да уж, действительно минула целая жизнь. Ведь от беззаботных студенческих дней его отделял вовсе не один лишь круг перерождений.

Вот только сама школа уже совсем не походила на ту полную жизни обитель из его воспоминаний — повсюду царило мёртвое запустение.

Прежде тихий и живописный кампус выглядел угрюмым и безжизненным, дорожки были усыпаны обломками и пятнами запекшейся крови. Чу Мо знал, что в сокровенных углах прячутся даже несколько трупов: человеческих и зомбированных, растерзанных и съеденных ходячими мертвецами либо убитых людьми. Когда ситуация накаляется до предела, большинство людей проявляют страшную жестокость, даже если совсем недавно они были

наивными студентами из башни из слоновой кости, а их жертвы — старыми знакомыми.

Что есть в этом мире, кроме жизни и смерти? Всё остальное — суета.

Эй, т-тот студент, ты...! — раздался позади чей-то робкий голос, сопровождаемый резким порывом раскаленного воздуха, рассекшего пространство. Тот самый, еще мгновение назад нерешительный голос вмиг сорвался на крик: — Ли Мин, ты что творишь?!

Чу Мо мгновенно обернулся, и окружающие деревья разом зашелестели.

Вместе с его разворотом с ветвей сорвались листья и закружились в стремительном вихре.

Ли Мин, собиравшийся совершить скрытную атаку с помощью своей стихии огня, в испуге отпрянул назад, но тут же обнаружил, что оказался наглухо заперт в кольцо из быстро вращающихся листьев.

На ощупь они не казались острыми, но неслись с невероятной скоростью, накрепко сковав его движения. Ли Мин несколько раз пытался дать отпор с помощью огненной магии, но стоило язычкам пламени лишь забрезжить, как налетевший вихрь тут же задувал их. Чу Мо стоял в стороне, прищурившись и наблюдая за ним. Поднятый вихрем длинный волос развевался за его спиной, придавая ему лихой и непринужденный вид.

Глядя на растерянного Линь Мина, Чу Мо с довольной улыбкой изогнул губы.

— Э-э, у-ум, Чу, старший соученик Чу... — робко произнесла короткостриженная девушка с чуть покрасневшими щеками. — Старший соученик Линь не со зла, он, наверное, принял вас за зомби... Не могли бы вы отпустить его?

Хотя она вроде бы заступалась за Линь Мина, ее глаза были прикованы исключительно к Чу Мо.

— Да, да, — не удержались от вмешательства и другие девушки. — Старший соученик Чу, пощадите его. Вы ведь... точно не стали бы по-настоящему сердиться, старший соученик Чу.

Девушки щебетали, глядя на Чу Мо и наперебой пытались заговорить с ним.

На лицах еще по-детски наивных студенток алел румянец, а в глазах читалось чистое восхищение.

Лицо Линь Мина на мгновение скривилось.

Каждый раз одно и то же... Стоит появиться Чу Мо, как все тут же переключают на него все внимание! Никто больше в упор его не видит!

И чем этот Чу Мо так хорош?

Если подумать о внешности, о способностях — он ведь ничуть не хуже! Подумаешь, семья богаче! Почему нынешние девушки такие меркантильные?! Узколобые!

Только что умоляли его о защите, а теперь все позабыли?

Линь Мин попытался вырваться из путов казавшихся слабыми листьям, но обнаружил, что не может сделать это ни единым способом, и его лицо мгновенно помрачнело еще сильнее.

Подняв голову, он встретился взглядом с Чу Мо: тот улыбался, глядя на него с насмешливой полуулыбкой. Понимая, что Чу Мо ждет, пока он заговорит, Линь Мин нахмурился еще мрачнее, но все же был вынужден процедить сквозь зубы:

— Живо отпусти меня!

Чу Мо с улыбкой поглядывал на него с полминуты, прежде чем взмахом руки освободить его:

— Прошу прощения, я ведь тоже подумал, что это зомби.

Линь Мин поднял голову и свирепо зыркнул на него.

На самом деле они оба прекрасно понимали, что разговоры о нападении зомби — всего лишь предлог. Линь Мин узнал Чу Мо и хотел с ходу поставить его на место, а что касается Чу Мо...

Брови Линь Мина внезапно сошлись на переносице. Он был уверен в собственной скорости, но если Чу Мо сделал это специально... Разве его реакция не слишком невероятна? Или... он и вправду думал, что это были всего лишь зомби?

Линь Мин снова поднял взгляд на Чу Мо. Тот с улыбкой о чём-то беседовал заговорившей с ним девушкой.

Наверное, только этим всё и объяснялось?

С какой стати у Чу Мо могла быть такая молниеносная реакция?

И всё же...

Линь Мин холодно усмехнулся и бросил на Чу Мо взгляд, полный презрения.

Использовать столь мягкие и хлопотные методы против зомби — в самом деле поступок такого мягкотелого человека, как Чу Мо.

Разве такой человек... сможет выжить в подобном апокалипсисе?

Чу Мо сделал вид, что не заметил взгляда Линь Мин, и лишь с улыбкой поднял на него голову:

— Раз уж так, то не буду тебе мешать. Мне ещё нужно пойти встретить Сяо Юй, а ты...

позаботиться как следует о них.

Он окинул взглядом девушек, которых вёл с собой Линь Мин, со странной, насмешливой улыбкой.

Линь Мин был по-своему хорош: сумел отыскать столько красивых девушек и собрать их вместе. Только вот в этой шайке почему-то оказался всего один обладатель сверхспособностей — и даже не знаешь, назвать ли это самоубийством или чрезмерной самоуверенностью.

Поистине ослеплён страстью.

Чу Мо холодно усмехнулся и повернулся, чтобы уйти. Линь Мин замер, собираясь сказать, что тоже пойдет, но тут вспомнил, что общежитие, где живет Сяо Юй, находится в самой глуши кампуса, и опустил уже было поднятую руку.

Забыть об этом — хотя он действительно очень сильно любит Сяо Юй, рисковать ради нее жизнью все же не стоит.

Сейчас наступил конец света, и с его способностями он может заполучить любую женщину. Подумаешь, девчонка — не стоит она того, чтобы подвергать себя такой огромной опасности.

Только Чу Мо такой глупец.

В глазах Линь Мина промелькнула насмешка, и он позвал окружавших его девушек уходить.

Те девушки тут же послушно последовали за ним, однако невольно вспомнили, как яростно Линь Мин ухаживал за Сяо Юй в прошлом. Об этом тогда действительно знал каждый.

Они-то думали, как сильно он ее любит, а оказалось — грош цена таким чувствам.

Такого, как Чу Мо... в конце концов, больше не найти.

Одна из девушек с некоторой досадой вздохнула, завидуя Сяо Юй, заслужившей столь трепетную и всецелую заботу Чу Мо.

Впрочем, им все равно ничего не светило, так что нечего и думать об этом.

Но... девушки переглянулись. Похоже, этот Линь Мин тоже не тот человек, на которого можно положиться. Видимо, им придется искать другой выход.

Кто знает, не бросит ли их Линь Мин вот так же в один прекрасный день? Порой чувства — это поистине странная вещь. Ты никогда не узнаешь почему и даже не сможешь спросить с какой стати.

Древние говорили: любовь возникает неведомо откуда, но укореняется глубоко. Будда же изрекал: все печали, радости, встречи и расставания в этом мире предопределены судьбой.

Возможно, смысл предопределенности заключается вовсе не в счастливом союзе суженых, а в том, чтобы дать тебе понять: всё это волею небес, а не твоей.

Чу Мо стоял под зданием общежития, задрал голову.

Летний ветерок обдавал прохладой, а яркое солнце било прямо в глаза, заставляя Чу Мо с неудовольствием отвести взгляд.

Вокруг стояла такая тишина — тишина, в которой Чу Мо на мгновение показалось, что на дворе всё еще те самые годы.

Всё те же безмятежные и спокойные дни.

А те пронизанные ледяным ветром и залитые кровью времена из воспоминаний — всего лишь иллюзия.

И та девушка по-прежнему наивно сидит у окна комнаты в общежитии и ждет, когда он придет за ней.

Никогда не существовало разделения на людей и зомби, не было той женщины с острым клинком, что приближалась к нему, не было того мужчины с холодным взглядом и не было его самого с руками по локоть в крови.

Она не предавала, а он не был обманут.

Только жаль... всему этому никогда не суждено было случиться.

Перерождение, перерождение... Повторить можно лишь саму жизнь, но никак не память.

И раз воспоминания невозможно стереть, то какой смысл проживать всё заново?

То, что помню я, не забудется никогда.

Чу Мо вдруг усмехнулся и шаг за шагом поднялся по ступенькам.

Ни одна вещь после того, как ее испачкали, уже не сможет полностью вернуть свой прежний вид. Так называемое очищение... всего лишь маскировка.

Словно в один прекрасный день мы случайно находим у порога своего дома под персиковым деревом труп. Как бы мы потом ни старались замести следы, заново засыпая яму землей и утрамбовывая ее ногами, это не изменит того факта, что глубоко под землей все еще погребено тело.

С той минуты, стоя под этим деревом и глядя вверх, сколь бы прекрасными ни были распустившиеся цветы, мы будем думать лишь об одном — о спрятанном внизу трупе.

Жутком, зловещем, медленно разлагающемся теле.

Даже малейшая капля подобного мрака способна перечеркнуть все прекрасные моменты, пережитые здесь прежде.

Ха... И впрямь ты, только тебе под силу заставить меня разочароваться в ней. В слегка обветшалой комнате студенческого общежития царил полумрак, от которого веяло такой зябкой сыростью, будто этот уголок навеки забыл весь остальной мир.

Сяо Юй обхватила колени руками, забившись в самый угол на верхней койке, и через занавеску испуганно глядела наружу.

Бледно-розовая занавеска уже изрядно запылилась, и в тусклом свете можно было различить лишь беспорядок на полу внизу.

В разбитой фарфоровой чашке еще белел след от пролитого молока, деревянный стул, который соседки по комнате ходили покупать все вместе, валялся на боку, а входную дверь преграждал плотно придвинутый деревянный обувной шкаф.

На цементном полу, помимо хаотичных следов от ног и пятен воды, угадывались то ли проступившие, то ли мерещащиеся пятна крови.

Сяо Юй вжалась в угол еще сильнее.

Ее взгляд зацепился за темное пятно на светлой ткани занавески.

«Я же просила тебя не покупать такую светлую занавеску, когда мы только выбирали... И вот пожалуйста, испачкала. И как ее теперь стирать?»

Девочка шевельнулась, пытаясь изобразить улыбку, но мышцы лица онемели от напряжения, и она тут же сдалась.

Сяо Юй уткнулась лицом в колени, и в этот момент перед глазами внезапно всплыл образ того человека, который когда-то смотрел на нее с ласковой улыбкой.

Тогда стоял погожий солнечный день, и в глазах того человека отражался весь свет, какой только есть на свете.

Она больше не могла сдерживаться и тихонько заплакала.

А-Мо... А-Мо, ну почему ты до сих пор не идешь меня спасать?

Прошло уже пять дней, если ты не придешь... я больше никогда тебя не увижу.

Умоляю тебя... умоляю, приди и спаси меня, пожалуйста!

Освещенная солнцем комната казалась очень светлой, но лучи, падавшая на тело, совсем не давали тепла.

Хотя... может, какое-то тепло и было, но реальность оказалась слишком холодной, и от этой крошечной искорки не было никакого толку.

Ян Сязэр изо всех сил вцепилась обеими руками в швабру и, прильнув к приоткрытой двери, испуганно выглянула в коридор.

Комната была убогой, и это оказалось единственным подобием оружия длинной формы, которое ей удалось отыскать.

Пусть от швабры было мало проку, по крайней мере, с ней на душе становилось чуточку спокойнее.

Земных мертвецов здесь, по правде говоря, водилось немного: в конце концов, конец света грянул вовсе не в часы отдыха, и почти никого из студентов не было в общежитии.

В Зэском университете царила прекрасная дисциплина, прогуливать здесь не любили, и все послушно сидели на занятиях по расписанию.

Такие белые вороны, как она, составляли меньшинство.

На самом деле Ян Сязэр вовсе не ненавидела учебу, просто некоторые лекции казались ей пустой тратой времени, и она предпочитала тратить его на то, что ей действительно нравилось.

Бездарно растрачивать время... Разве не в этом суть студенческой жизни?

Вот только она никак не ожидала, что ее очередное бегство от скучной теории запрёт ее в собственной комнате.

Ян Сязэр перехватила швабру поудобнее в левую руку и, осторожно приоткрыв дверь на донышко, боязливо заглянула в коридор.

Отлично, в коридоре пока тихо.

Ян Сязэр боком выскальзнула из комнаты и постаралась ступать как можно тише.

Судя по ее наблюдениям за последние дни, слух у этих чудовищ развился невероятно остро, и малейший шорох мог привлечь целую толпу ходячих мертвецов.

Она жила на самом верхнем этаже, людей здесь и раньше оставалось немного, а мертвяков — и того меньше, так что благополучно добраться до нижнего этажа не составляло особого труда.

Ян Сяозэр с опаской толкнула дверь, ведущую на лестницу. В Зэском университете время от времени кто-нибудь норовил сигануть вниз, и чтобы пресечь это безобразие, руководство велело запереть двери на лестничные площадки верхних этажей: ключи имелись только у коменданта и студентов с последнего этажа.

Хотя толку от этого было чуть.

Раз человек твердо решил покончить с собой, какая отмычка или замок его остановят? Жить тяжело, а умереть — проще простого?

Ян Сяозэр, только что мысленно издевавшаяся над мерами предосторожности университета, тут же убедилась в справедливости старой мудрости о том, что нельзя осуждать порядки втайне от других.

Собирающаяся бежать Ян Сяозэр с ужасом обнаружила, что дверь на лестницу заперта!

Какая сволочь проявила такую гражданскую сознательность?! Где ей в такой момент искать ключ?!

Ян Сяозэр, едва не плача от отчаяния, несколько раз крутанулась на месте, со злостью закусил губу, бросилась к двери и изо всех сил потянула ее на себя, пытаясь протиснуться в образовавшуюся щель.

Да, вот так, Ян Сяозэр, ты сможешь.

Ян Сяозэр, скривясь от боли, когда ее терзало жесткое железо двери, только и могла, что беспрестанно утешать себя этими словами.

На самом деле замок на железной двери болтался слабо, и пробраться на ту сторону не составляло особого труда.

В конце концов, для любого студента возвращение в общежитие за полночь — дело привычное.

Беда заключалась лишь в том, что Ян Сяозэр занималась легкой атлетикой, ее рост составлял сто семьдесят пять сантиметров, а тело было далеко не хрупким и точеным, как у других девочек — сплошные мышцы! Настоящие мышцы!

Ян Сяозэр сжала зубы, напрочь забыв про испорченную одежду.

В такие минуты рассчитывать приходилось только на себя!

<http://bllate.org/book/22415/2353416>